Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 11–22.
Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 11–22.

Научная статья
УДК 316.444
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс

Константин Николаевич Сердюков
Тихоокеанский институт географии ДВО РАН;
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, me@serdjukov.ru
Анна Викторовна Винокурова
Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vinokurova77@mail.ru

Аннотация. Проведённое авторами данной статьи исследование опирается на концепт "жизненные стратегии". Применительно к настоящей работе – это представления индивидов о своём будущем, а также их активные действия на пути к жизненным целям, формирующимся в рамках идеальной модели собственной жизни, отвечающей внутренним ценностным ориентирам. Внимание было сфокусировано на трудовых мигрантах из стран СНГ – выходцах из государств Центральной Азии. Работа выполнена на основе комплексного подхода с опорой на данные международной, российской и региональной статистики и количественные социологические методы (анкетирование). Предпринятое исследование позволило выявить направленность жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья в принимающем дальневосточном сообществе, их ценностные основания, темпоральную организацию, специфику групповых идентификаций. Иностранные трудовые мигранты как специфическая социальная общность, безусловно, обладают характерными особенностями, приоритетами, представлениями о будущем, потребностями и интересами. Все эти аспекты требуют дальнейшего изучения, которое позволит углубить и расширить имеющиеся в современной науке знания о явлении миграции населения.
Ключевые слова: *миграционные процессы, международная миграция, иностранные трудовые мигранты, страны ближнего зарубежья, российский Дальний Восток, жизненные стратегии, ценностные ориентации, жизненный путь*

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-01113, https://rscf.ru/project/23-28-01113/

Для цитирования: Сердюков К. Н., Винокурова А. В. Жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья: дальневосточный кейс // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 11–22. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Original article
https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case

Konstantin N. Serdyukov
Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences;
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, me@serdjukov.ru
Anna V. Vinokurova
Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vinokurova77@mail.ru

Abstract. The study conducted by the authors of this article is based on the concept of "life strategies". In relation to this work, these are individuals' ideas about their future, as well as their active actions on the path to life goals, formed within the framework of an ideal model of their own life, corresponding to internal value guidelines. The regions of the Russian Far East are identified as the main research cases. Attention was focused on labor migrants from the CIS countries – natives from Central Asian countries. The work was carried out on the basis of an integrated approach based on data from international, Russian and regional statistics and quantitative sociological methods (questioning). The conducted research made it possible to identify the direction of life strategies of migrants from neighboring countries in the host Far Eastern community, their value bases, temporal organization, and the specifics of group identifications. Foreign labor migrants as a specific social community certainly have characteristic features, priorities, ideas about the future, needs and interests. All these aspects require further study, which will allow deepening and expanding the knowledge of the phenomenon of population migration available in modern science.
Key words: *migration processes, international migration, foreign labor migrants, CIS countries, Russian Far East, life strategies, value orientations, life course*

The reported study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 23-28-01113, https://rscf.ru/ project/23-28-01113/

For citation: Serdyukov K. N., Vinokurova A. V. Life Strategies of Labor Migrants from CIS Countries: Far Eastern Case // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 3. P. 11–22. https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/11-22

Введение

В современных условиях миграция является одной из основных движущих сил социально-экономического развития. Всё это в полной мере относится и к международным миграционным процессам. Международная миграция стимулирует развитие социального и человеческого потенциала. По послед-

© Сердюков К. Н., Винокурова А. В., 2024

ним доступным оценкам, которые приводит Международная организация по миграции (МОМ), общая численность международных мигрантов составляет более 281 млн человек. За последние двадцать лет произошёл рост масштабов международной миграции практически в полтора раза, со 174 млн чел. в 2000 г. до 281 млн чел. в 2020 г. **[33]**. Значительная часть миграции имеет вполне безопасный, предсказуемый характер, обладая определённой региональной спецификой, во многом связанной с возможностями поиска более перспективных возможностей в сфере профессионально-трудовой деятельности. В подтверждение данного тезиса приведём информацию МОМ: трудовые мигранты в общей численности международных мигрантов составляют около 60% (169 млн чел.) **[33]**.

Большинство международных трудовых мигрантов сосредоточены в странах с высоким уровнем доходов и/или в странах с уровнем доходов выше среднего, и Россия входит в число этих государств, являясь одним из мировых лидеров по приёму иностранных мигрантов. Приток мигрантов может оказать положительное влияние, увеличивая предложение рабочей силы в тех сферах российской экономики и отраслях производства, где присутствует нехватка кадров. Другими словами, для нашей страны иностранная трудовая миграция при должном подходе (исполнение законодательных норм, действенная миграционная политика) – это весьма эффективный инструмент управления национальным и региональным рынками труда.

В России в последние годы произошли серьёзные трансформации, касающиеся изменения масштабов, интенсивности, направления миграционных потоков, обусловленные влиянием трендов 2020–2021 гг. (пандемия COVID-19) и 2022–2023 гг. (проведение СВО, объявление частичной мобилизации). Также отметим, что в многочисленных сообщениях российских СМИ и социальных медиа главным образом обращается внимание на проблемные аспекты миграции, основной акцент делается на "негативных" новостях, что оказывает отрицательное влияние на общественно-политический дискурс, определяющий отношение принимающего сообщества к присутствию в стране внешних мигрантов. Таким образом, объективное научное описание и анализ различных аспектов масштабного процесса иностранной трудовой миграции в РФ становится всё более и более значимым.

В целом, процессы, связанные с притоком иностранных мигрантов в Российскую Федерацию, отличаются крайней неоднородностью, существенно различаются в регионах. В то же время можно выделить некоторые общие тенденции. Во-первых, международный миграционный прирост сохраняет свои положительные значения, в частности данный показатель вырос в 2023 г. по сравнению с 2022 г. практически на 50 тыс. человек. Во-вторых, подавляющее большинство иностранных мигрантов прибывает в Россию из государств СНГ, т. е. из стран так называемого ближнего зарубежья. В последние годы доля таких приезжих составляла более 86% от общего числа прибывших в РФ международных мигрантов **[24].** В-третьих, в основном миграционный приток обеспечивается за счёт выходцев из республик Центральной Азии *(рис. 1).*

Если же говорить о нашем исследовательском кейсе, в качестве которого обозначен Дальний Восток (ДВ), то административно он обозначается как Дальневосточный федеральный округ и является наименее заселённым среди всех российских федеральных округов. На 1 января 2024 г. численность населения Дальнего Востока составила 7 866 344 человека, сократившись по сравнению с аналогичным показателем 2023 г. на 37 520 чел. **[17]**. Уменьшение обусловлено как превышением смертности над рождаемостью, так и миграционной убылью.

При этом динамика миграционных процессов в дальневосточных регионах, как и в целом по России, отличается своей неоднородностью как в долгосрочной и краткосрочной ретроспективе, так и в настоящее время. И в контексте основной тенденции, связанной с негативной динамикой миграционных процессов на российском Дальнем Востоке, можно выделить некую общую закономерность: в то время как миграционный обмен с другими регионами РФ – отрицательный, с зарубежными странами, в первую очередь, с государствами СНГ – положительный, что неоднократно отмечалось в различных исследованиях, в том числе и проведённых при нашем непосредственном участии **[см., напр.: 12; 15; 16; 23; 4]**.

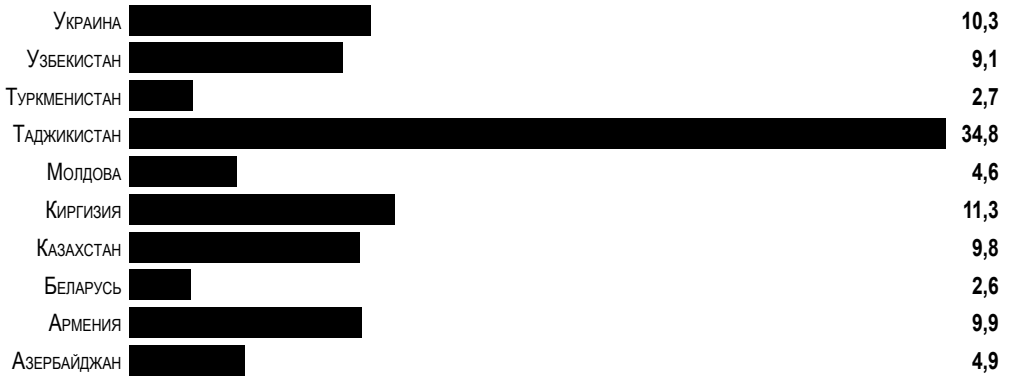

Рис. 1. Доля мигрантов, прибывших в РФ из стран СНГ, %.

Данные приводятся по состоянию на 2023 г. в % от общего числа мигрантов из стран СНГ.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе: **[24]**.

Fig. 1. Migrants who arrived in the Russian Federation from CIS countries, %.

Data are provided as of 2023 as a percentage of the total number of migrants from the CIS countries.

Source: compiled and calculated by the authors based on: **[24]**.

Кто же приезжает на Дальний Восток из ближнего зарубежья? Здесь опять имеет место соответствие общероссийскому тренду: подавляющее большинство иностранных мигрантов в субъектах ДФО представлено гражданами государств Центральной Азии: Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана **[24]**. Лидерами по приёму иностранных мигрантов из стран СНГ на Дальнем Востоке являются Республика Саха (Якутия), Хабаровский край и Приморье *(рис. 2)*.

Что касается исследований, направленных на изучение иностранной трудовой миграции как из стран СНГ в общем, так и из государств Центральной Азии в частности на российский Дальний Восток, то основное внимание авторов сосредоточено на проблемах "макроуровня": какую роль данный вид миграции играет в пространственном, демографическом развитии дальневосточных регионов; насколько указанная миграция значима в контексте восполнения трудовых ресурсов; каким образом она влияет на национальную и региональную безопасность **[см., напр.: 11; 14; 6; 8; 21]**.

Гораздо меньше работ "мезо"- и "микроуровня", посвящённых поведенческим стратегиям, ценностным ориентациям, повседневным практикам иностранных трудовых мигрантов в принимающем дальневосточном сообществе. Основное внимание в них уделяется вопросам адаптации и интеграции иностранных мигрантов на Дальнем Востоке, особенностям их идентичности **[см., напр.: 13; 2; 3; 27]**. Но практически нет работ, выполненных на материалах дальневосточных кейсов, характеризующих жизненные стратегии трудовых мигрантов из стран СНГ, в том числе и из государств Центральной Азии. Хотя, безусловно, эти вопросы в определённой степени описаны отечественными авторами на примере самых разнообразных мигрантских сообществ, представляющих различные страны назначения и исхода **[см., напр.: 7; 18; 20; 25; 5; 9]**. В данной статье мы попытаемся в некоторой степени восполнить имеющийся пробел, определив в качестве основной цели исследования выявление особенностей жизненных стратегий трудовых мигрантов – выходцев из государств Центрально-Азиатского региона (входящих в СНГ), проживающих в регионах Дальнего Востока.

Теоретическая рамка исследования

В качестве теоретической основы нашего исследования был взят концепт "жизненные стратегии", достаточно хорошо описанный в работах российских и зарубежных авторов через призму субъектно-деятельностного **[29; 30; 1; 32; 31]**, системно-институционального **[19]**, бихевиористского **[28]**, общностного **[10]** подходов.

Рис. 2. Субъекты ДФО – лидеры по приёму мигрантов из стран СНГ, %.

Данные приводятся по состоянию на 2023 г. в % от общего числа мигрантов, прибывших в ДФО из стран СНГ.

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе: [24].

Fig. 2. FEFD Regions – leaders in receiving migrants from the CIS countries, %.

Data are provided as of 2023 as a percentage of the total number of migrants from the CIS countries who arrived in the FEFD.

Source: compiled and calculated by the authors based on: **[24]**.

В целом, в указанных зарубежных и отечественных подходах к исследованию жизненных стратегий на первый план выдвигается агентность – активность индивидов и социальных общностей на пути построения жизненной стратегии, подчёркивается значимость активного выбора на фронтире между степенью затрат на осуществление данного выбора и той выгодой, которую можно получить в плане дальнейшего развития.

Исходя из этого, под жизненными стратегиями мы будем понимать представления индивидов о своём будущем, а также их активные осознаваемые или неосознаваемые действия на пути к жизненным целям, не всегда чётко выстроенным, но реализующимся в поведении социального субъекта в рамках идеальной модели собственной жизни, отвечающей внутренним ценностным ориентирам. Такая "оптика" позволит нам соединить концептуальную глубину и эмпирическую детализацию. Поэтому в дополнение мы будем опираться на основные структурные компоненты жизненных стратегий, сформулированные и выделяемые нами ранее, в том числе и на основе представленных выше подходов **[22].**

Во-первых, обозначим ценностные основания жизненных стратегий с опорой на классификацию, предложенную Ю. М. Резником и Е. А. Смирновым **[19]**, включающую стратегии жизненного успеха, жизненного благополучия, жизненной самореализации.

Во-вторых, следует выделить особенности групповых идентификаций ("мы – идентификаций") **[26]**. Мы полагаем, что чувство сопричастности (принадлежности) к референтной социальной группе задаёт некий вектор, в направлении которого и реализуется жизненная стратегия.

В-третьих, акцентируем темпоральную организацию жизненных стратегий, описанную Г. Е. Зборовским и соавторами **[10]** для определения горизонта планирования жизни на будущую перспективу.

Методы исследования

Исследование выполнено с опорой на количественную методологию. Основное внимание сфокусировано на мигрантах из стран СНГ, прибывших в регионы Дальнего Востока с целью ведения трудовой деятельности. При сборе эмпирических материалов мы опиралась на метод анкетирования. Анкетный опросник включал в себя вопросы, условно разделенные на три блока: "паспортичка" (базовые социально-демографические характеристики респонден-

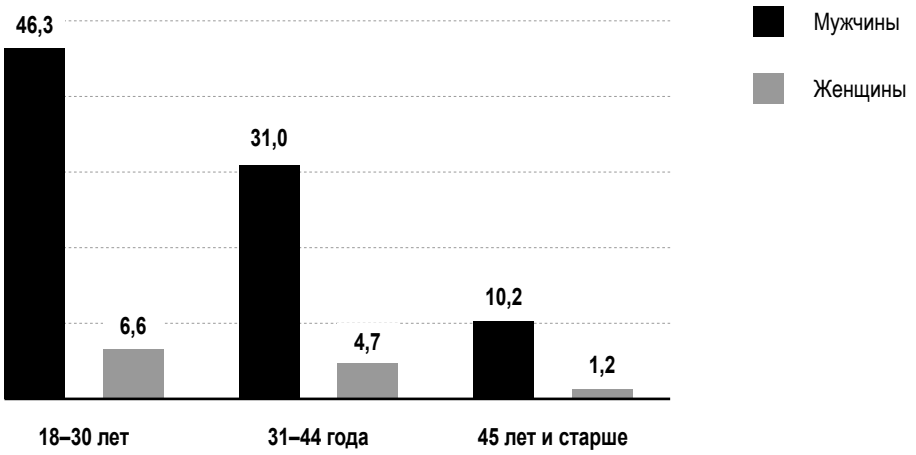

Рис. 3. Половозрастной состав мигрантов из стран ближнего зарубежья, %.
Источник: составлено авторами.
Fig. 3. Age and sex of migrants from CIS countries, %.
Source: compiled by the authors.

тов); основные стратегии в сфере труда и профессиональной занятости; основные целевые ориентации, жизненные ценности, перспективные планы.

Выборочная совокупность целевая (неслучайная). Респонденты из числа мигрантов рекрутировались разными способами: в "местах скопления" (центры тестирования иностранных граждан); на основе наших личных связей и контактов (через представителей национальных диаспор, лидеров религиозных и общественных организаций и пр.). Основными критериями отбора респондентов были обозначены: добровольность, временность, ведущая цель пребывания на Дальнем Востоке (ведение трудовой деятельности) и иноэтничное происхождение (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан). Общий объём выборки составил 254 чел. (n=254). Сбор эмпирических материалов осуществлялся в несколько этапов в ряде дальневосточных регионов. Впервые методика была апробирована в 2019 г., был проведён анкетный опрос трудовых мигрантов из государств СНГ, временно пребывающих в Приморье. Далее, в 2023–2024 гг. по аналогичной анкете были опрошены мигранты из центральноазиатских республик, прибывшие на территорию Республики Саха (Якутия), а также Хабаровского края с целью ведения трудовой деятельности. Сравнение данных анкетирования первого и второго этапов дало сопоставимые результаты. Указанные субъекты ДФО (Якутия, Приморский и Хабаровский края) были отобраны в качестве исследовательских кейсов, поскольку являются лидерами по приёму трудовых мигрантов из стран СНГ среди регионов Дальнего Востока. Сопоставление, обобщение и анализ эмпирических данных были осуществлены с использованием ПО SPSS.

Результаты исследования

Предваряя изложение полученных результатов, считаем целесообразным остановиться на описании демографических и социально-статусных характеристик респондентов. Половозрастной состав опрошенных выглядит следующим образом *(рис. 3)*.

В общей сложности распределение респондентов по полу показало, что среди них 87,5% мужчин и 12,5% женщин. Доля лиц молодого возраста[1] (18–44 лет) составляет 88,6%.

Что касается стран происхождения, то 76,7% опрошенных имеют гражданство Узбекистана; 20,1% – выходцы из Таджикистана; 3,2% – граждане

[1] Согласно классификации возрастов, принятой Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ): молодой возраст – 18–44 лет; средний возраст – 45–59 лет; пожилой возраст – 60–74 лет; старческий возраст – 75–90 лет; долгожители – 90 лет и старше.

Рис. 4. Ценностные основания жизненных стратегий: предпочтения трудовых мигрантов, средние значения в баллах.

Источник: составлено авторами.

Fig. 4. Value bases of life strategies: preferences of labor migrants, average values in points.

Source: compiled by the authors.

Кыргызстана. В общих чертах это соответствует как общероссийской, так и дальневосточной ситуации в сфере миграции. Как мы уже указали, основной приток мигрантов, в том числе и в регионы Дальнего Востока, обеспечивается за счёт приезжих именно из указанных государств Центральной Азии.

Если говорить о семейном положении мигрантов из стран ближнего зарубежья, то доля лиц, состоящих в браке, составляет 50,1% от общего числа опрошенных. Имеет место корреляция между наличием официального брачного статуса (женат/замужем) и наличием детей: 50,0% наших респондентов указали на то, что у них есть дети.

По специфике трудовой деятельности, которой заняты мигранты, выявлены следующие особенности. Значительная часть наших респондентов определяет свою работу как сопряжённую с физическим трудом (82,7%), только 17,3% указали на то, что занимаются умственной работой. Среди опрошенных, у которых в работе преобладают элементы умственного труда, доля женщин выше, чем мужчин: 28,1% против 15,7%.

Далее охарактеризуем важнейшие составляющие жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья.

Ценностные основания жизненных стратегий трудовых мигрантов. В соответствии с обозначенной выше теоретической рамкой жизненные стратегии (мигрантов) представляют собой некую систему координат, которая позволяет человеку ориентироваться в социальном пространстве, в её основании лежат ранее сформированные (в процессе социализации) ценности, в дальнейшем проявляющиеся в различных видах деятельности и поведении через призму способностей, интересов, ресурсов, активности и представлений о нормах.

Специфика соотношения ценностной системы мигрантов с социокультурными условиями принимающей среды означает, что ценности, которых люди придерживаются, меняются, адаптируются под требования социальных норм общества, в которое они приезжают, тем самым влияя на то, как мигранты организуют и планируют свою жизнь. Всё это, в какой-то мере, может способствовать изменениям в представлениях приезжих о перспективных жизненных целях.

Для выявления ценностных оснований жизненных стратегий мигрантов из стран ближнего зарубежья мы адаптировали типологию Ю. М. Резника и Е. А. Смирнова, согласно которой выделяются стратегия жизненного успеха, стратегия жизненного благополучия, стратегия жизненной самореализации. В результате был сформирован ряд суждений, соответствующих каждой из обозначенных стратегий **[22].**

Стратегия жизненного успеха:

- активная, деятельная, насыщенная событиями жизнь;
- признание и уважение в обществе;
- статусная, престижная работа, даже если она сама по себе не так интересна;
- высокий профессиональный авторитет в избранной сфере трудовой деятельности;
- карьера, продвижение по служебной лестнице.

Стратегия жизненного благополучия:

- безбедная, полная необходимых благ и комфорта жизнь;
- спокойная жизнь без перегрузок и стрессов;
- работать поменьше, а зарплату получать побольше;

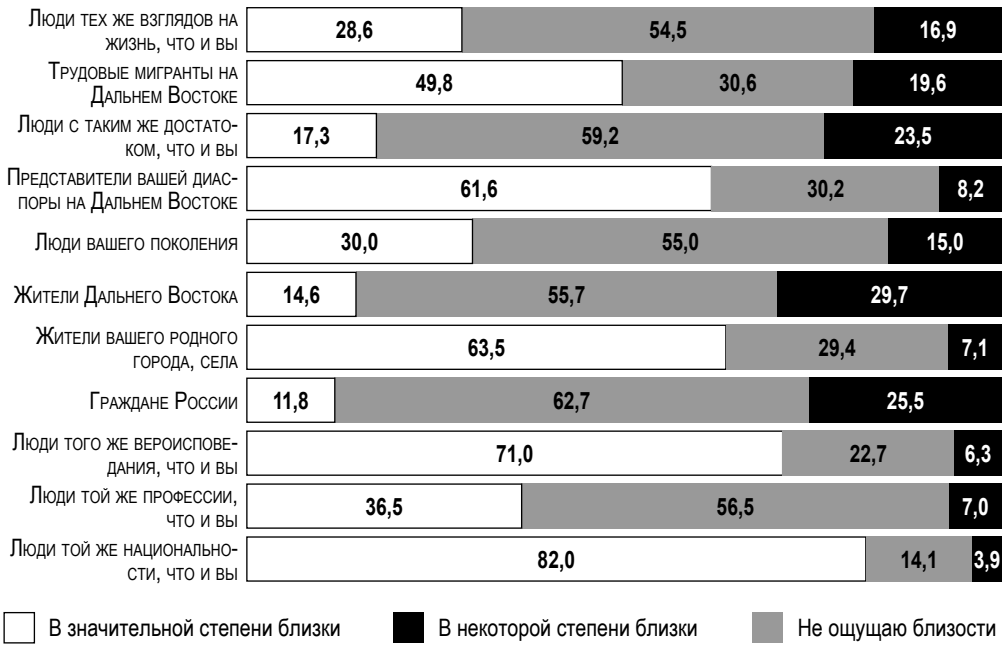

Рис. 5. "Мы – идентификации" трудовых мигрантов, %.

Источник: составлено авторами.

Fig. 5. "We – identifications" of labor migrants, %.

Source: compiled by the authors.

- покупать всё, что хочется, а не то, что можешь себе позволить;
- стабильная размеренная жизнь, позволяющая расслабиться.

Стратегия жизненной самореализации:

- гармоничная, свободная творческая жизнь;
- возможность самостоятельно распоряжаться своим временем, когда ты "сам себе хозяин";
- интересная работа, занятие "по душе";
- внутренняя гармония через самовыражение и саморазвитие;
- отсутствие рутины, однообразия, возможность максимально раскрыть свой потенциал.

Далее мы попросили респондентов оценить важность каждого из указанных параметров по пятибалльной шкале (от 0 до 4), затем на основании полученных ответов были рассчитаны средние значения и получены суммарные баллы *(рис. 4)*.

Как видим, наиболее популярной является стратегия жизненного благополучия, связанная с направленностью на ценности материального достатка, безопасности и стабильности, комфортной и размеренной жизни. Далее по степени распространённости у наших респондентов располагается стратегия жизненного успеха, где значима внешняя сторона жизни: получение одобрения, признания, уважения со стороны окружающих, т. е. "что скажут, как оценят люди", соответственно, в этом случае на первый план выступает демонстрация собственных достижений, "жизнь на показ". Отметим, что здесь прослеживаются определённые различия в оценках мужчин-мигрантов и женщин-мигранток. Указанная жизненная стратегия больше распространена среди мужчин, чем среди женщин: 15,0 и 12,7 суммарных баллов соответственно. Наименее популярной является стратегия жизненной самореализации, выражающаяся в приоритете ценностей самоактуализации и личного самосовершенствования, которые в большей степени характерны для мигрантов, занятых интеллектуальным трудом (в среднем 14,3 баллов), чем для тех, кто занят физическим трудом (12,3 баллов).

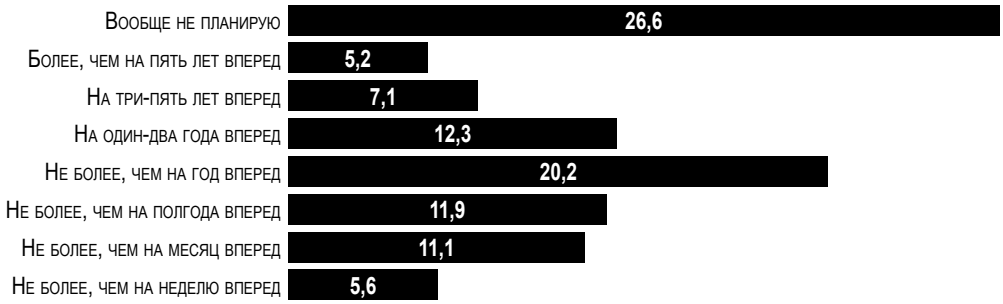

Рис. 6. Горизонт жизненного планирования в представлениях трудовых мигрантов, %.
Источник: составлено авторами.
Fig. 6. Life planning in the views of labor migrants, %.
Source: compiled by the authors.

Таким образом, ценностные основания жизненных стратегий трудовых мигрантов прежде всего представлены ориентацией на материальную обеспеченность и комфорт, стабильность и безопасность.

Особенности групповых идентификаций трудовых мигрантов. Далее обратимся к описанию "мы – идентификаций" трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья. Реализация жизненных стратегий во многом зависит от принадлежности к тому или иному сообществу, т. е. для каждого человека важно "быть своим" в какой-либо социальной группе. Чувство сопричастности, включённости в определённую социальную общность служит фундаментом для понимания и структурирования собственной идентичности.

В рамках исследования респондентам было предложено выразить свою оценку касательно дистанции/приверженности в отношении представителей различных социальных групп *(рис. 5)*.

Можно констатировать, что наиболее значимыми в структуре групповых идентичностей трудовых мигрантов являются элементы, репрезентирующие национальную, религиозную, региональную идентичность. В наименьшей степени мигранты из стран СНГ соотносят себя с россиянами и дальневосточниками, что наглядно демонстрирует существующую дистанцию между местными жителями и приезжими из государств Центральной Азии.

Отдельный интерес представляют полученные нами данные в отношении восприятия трудовыми мигрантами самого мигрантского сообщества на Дальнем Востоке, к которому они, собственно говоря, и сами принадлежат. Практически пятая часть опрошенных отметили, что не ощущают близости с другими трудовыми мигрантами, которые также, как и они пребывают на территории ДФО. Можно оценивать это как маркер некоторой напряжённости внутри самого мигрантского сообщества (которое весьма неоднородно по национальному составу, регионам происхождения внутри стран исхода и т. п.), сложившейся в результате конкуренции за ресурсы, сферы влияния и пр. **[22].**

Темпоральная организация жизненных стратегий трудовых мигрантов. Жизненные стратегии мигрантов включают в себя и представления о будущем, которые, в свою очередь, можно рассматривать в качестве инструмента, регулирующего их повседневное поведение; и демонстрируют в целом отношение к категории "время". Соответственно, некоторые характеристики темпоральной организации жизненных стратегий трудовых мигрантов можно выявить, конкретизировав временные периоды планирования будущего: краткосрочный – не более трёх лет вперед, среднесрочный – на три-пять лет вперед, долгосрочный – более, чем на пять лет вперед *(рис. 6)*.

Полученные нами результаты показывают, что нашим респондентам в большей степени присуще планирование своей жизни на краткосрочную перспективу (в совокупности 61,1% опрошенных), совсем небольшая доля тех, кто имеет среднесрочные и долгосрочные планы: 7,1% и 5,2% соответственно. Но если брать каждый индикатор в отдельности, то жизненные планы мигрантов вообще не имеют какой-либо привязки к временному интервалу: 26,6% ре-

спондентов (наибольшее количество оценок) указали на то, что планирование жизни как таковое у них попросту отсутствует.

В данном ключе отметим, что реальное жизненное пространство трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, приехавших на заработки в субъекты Дальнего Востока, достаточно рискогенно, поскольку их пребывание в регионах назначения не в полной мере охвачено нормами права, а также знанием этих норм, общественной морали, местных традиций и др. Сама среда их проживания может быть интерпретирована в терминах неопределённости и нестабильности, временности и непостоянства.

Заключение

Процессы, связанные с формированием и реализацией жизненных стратегий мигрантов из стран ближнего зарубежья, неслучайно попадают в фокус современных научных исследований. Указанные процессы находятся на перекрёстке различных, порой противоречивых тенденций. С одной стороны, сохраняется достаточно высокий уровень миграции в российские регионы, в том числе и в дальневосточные, из стран СНГ. С другой стороны, сыграли свою роль и сдерживающие миграцию факторы, обусловленные и пандемией COVID-19 и изменением социально-политической обстановки. В целом, динамика миграционных потоков из государств СНГ в Россию, включая субъекты ДФО, напрямую связана с современными экономическими, политическими процессами, ускоряемыми глобализацией и модернизацией.

Проведённое нами исследование позволило выявить направленность жизненных стратегий трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья в принимающем сообществе регионов ДФО. Подчеркнём, что иностранные трудовые мигранты как специфическая социальная общность, безусловно, обладают характерными особенностями, приоритетами, представлениями о будущем, потребностями и интересами. Все эти аспекты требуют дальнейшего изучения, которое позволит углубить и расширить имеющиеся в современной науке знания о миграции населения.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Бляхер Л. Е., Леонтьева Э. О. Особенности миграционной ситуации на Дальнем Востоке и её влияние на формирование идентичности мигрантов // Природа. Человек. Культура: материалы Третьего Международного научно-просветительского форума (Кисловодск, 4–8 октября 2022 г.) / под общ. ред. С. Е. Туркулец, Е. В. Листопадовой. Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2022. С. 45–48.
3. Ващук А. С., Волкова Е. С. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на юге Дальнего Востока России в условиях социально-экономической трансформации: проблемы и практики коммуникации // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество (ежегодник): материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23–24 ноября 2022 г.). Вып. 6. М.: ИНИОН РАН, 2023. С. 295–300.
4. Винокурова А. В., Ардальянова А. Ю. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4 (67). С. 11–22.
5. Владимирова Д. А., Гарусова Л. Н., Журбей Е. В. Иммиграционная политика и восточноазиатские мигранты в странах Северной Америки в прошлом и настоящем. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2022. 202 с.
6. Гамерман Е. В. Миграция и безопасность в Северо-Восточной Азии: политические и экономические аспекты // Международные отношения. 2020. № 2. С. 55–69.
7. Гончарова Н. П., Омельченко Д. А. Поведенческие стратегии адаптации трансграничных мигрантов в принимающем сообществе // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2014. № 30. С. 112–117.
8. Давыборец Е. Н., Владимирова Д. А., Журбей Е. В. "Поворот России на Восток": тенденции, проблемы, перспективы. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2021. 96 с.
9. Журбей Е. В. История формирования вьетнамской диаспоры в США в 60–80-е гг. XX в.: проблемы адаптации и интеграции вьетнамских беженцев // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022. № 2 (61). С. 107–120.
10. Зборовский Г. Е. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: [монография] / Г. Е. Зборовский, Е. А. Шуклина, П. А. Амбарова, М. В. Певная, А. А. Кузьминчук. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с.

11. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.): в 2 кн. / под общ. ред. А. С. Ващук. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. 360 с.

12. Красинец Е. С., Шевцова Т. В. Трудовая миграция в решении стратегических задач пространственного развития человеческого капитала на Дальнем Востоке России // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 11–4 (69). С. 251–255.

13. Кривоносова Л. А., Ус М. А. Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 3 (84). С. 119–126.

14. Мищук С. Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16. № 6. С. 1028–1040.

15. Мищук С. Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке: до и после 2020 г. // Региональные проблемы. 2021. Т. 24. № 2–3. С. 171–174.

16. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18. № 1. С. 27–40.

17. Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. и в среднем за 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FOkPopul_Comp2024_Site.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 14.07.2024).

18. Пешкова В. М. Жизненные планы трудовых мигрантов из Средней Азии в России: нарративы и практики // Этнографическое обозрение. 2017. № 3. С. 48–62.

19. Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности (опыт комплексного анализа). Москва: Институт человека РАН, 2002. 260 с.

20. Салимгараева А. Р. Стратегии совладания с жизненными трудностями трудовых мигрантов из стран СНГ в Москве // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. № 1. С. 78–94.

21. Сердюков К. Н. Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (на примере Приморского края) // Вестник университета. 2023. № 7. С. 233–240.

22. Сердюков К. Н. Жизненные стратегии иностранных трудовых мигрантов (на материалах Приморского края): диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / специальность 5.4.4 "Социальная структура, социальные институты и процессы"; Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. Архангельск, 2022. 207 с.

23. Храмова М. Н., Зорин Д. П. Возможности и ограничения для роста человеческого капитала в регионах российского Дальнего Востока // Сегодня и завтра российской экономики. 2022. № 107–108. С. 26–36.

24. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FBul_migr_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 14.07.2024).

25. Чумак Е. В. Индивидуальные жизненные стратегии мигрантов в России // Russian Economic Bulletin. 2021. Т. 4. № 4. С. 99–106.

26. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 198 с.

27. Яковлев А. И. Мигранты из стран Центральной Азии на Дальнем Востоке России: проблемы адаптации и интеграции // Проблемы современного востоковедения: материалы III Международной научно-практической конференции (Минск, 29–30 июня 2023 г.) / отв. ред. В. Р. Боровой. Минск: Белорусский государственный университет, 2023. С. 139–144.

28. Baumeister R. F., Bargh J. A. Conscious and unconscious. Toward an integrative understanding of human mental life and action // Dual-process theories of the social mind / ed. by Sherman J. W., Gawronski B., Trope Y. New York: Guilford Press, 2014. P. 35–49. URL: https://www.guilford.com/books/Dual-Process-Theories-of-the-Social-Mind/Sherman-Gawronski-Trope/9781462514397/contents (дата обращения: 30.06.2024).

29. Clausen J. A. The life course of individuals // A sociology of age stratification / ed. by Riley M. J., Johnson M., Foner A. New York: Russell sage foundation, 1972. P. 457–514. URL: https://www.russellsage.org/sites/default/files/AgingSociety-vol3download.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

30. Elder G. H. Age differentiation and the life course // Annual review of sociology. 1975. Vol. 1 (1). P. 165–190. URL: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev.so.01.080175.001121 (дата обращения: 30.06.2024).

31. Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course / ed. by Mortimer J. T., Shanahan M. J. New York: Kluwer/Plenum, 2003. P. 3–19. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-0-306-48247-2_1 (дата обращения: 30.06.2024).

32. Elder G. H., O'Rand A. Adult lives in a changing society // Sociological perspectives in social psychology / ed. by Cook K. S., Fine G. A., House J. S. Boston: Allyn and Bacon, 1995. P. 452–475.

URL: https://www.soc.duke.edu/~aorand/pdfs/Elder&O'Rand_Adult%20Lives_1995.pdf (дата обращения: 30.06.2024).

33. World Migration Report – 2024 // IOM. Publications Platform. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024 (дата обращения: 10.07.2024).

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. Life strategy. Moscow, 1991. 199 p. (In Russ.).

2. Blyakher L. E., Leont'eva E. O. Features of the migration situation in the Far East and its impact on the formation of migrants' identity // Nature. Human. Culture: materials of the Third International Scientific and Educational Forum (Kislovodsk, October 4–8, 2022), ed. S.E. Turkulets, E.V. Listopadova. Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2022. P. 45–48. (In Russ.).

3. Vashchuk A. S., Volkova E. S. Host community and labor migrants in the south of the Russian Far East in the conditions of socio-economic transformation: problems and practices of communication // Big Eurasia: development, security, cooperation (yearbook): materials of the international scientific and practical conference (Moscow, November 23–24, 2022). Issue 6. Moscow, 2023. P. 295–300. (In Russ.).

4. Vinokurova A. V., Ardalyanova A. Yu. Foreign migration in the Russian Far East: main trends // Ojkumena. Regional Researches. 2023. No. 4 (67). P. 11–22. (In Russ.).

5. Vladimirova D. A., Garusova L. N., Zhurbey E. V. Immigration policy and East Asian migrants in North America in the past and present. Vladivostok, 2022. 202 p. (In Russ.).

6. Gamerman E. V. Migration and security in North-East Asia: political and economic aspects // International relations. 2020. No. 2. P. 55–69. (In Russ.).

7. Goncharova N. P., Omelchenko D. A. Behavioral strategies for adaptation of cross-border migrants in the host community // Diary of the Altai School of Political Researches. 2014. No. 30. P. 112–117. (In Russ.).

8. Davyborets E. N., Vladimirova D. A., Zhurbey E. V. "Russia's turn to the East": trends, problems, prospects. Vladivostok, 2021. 96 p. (In Russ.).

9. Zhurbey E. V. The history of the formation of the Vietnamese diaspora in the United States in the 60–80s XX century: problems of adaptation and integration of Vietnamese refugees // Ojkumena. Regional Researches. 2022. No. 2. P. 107–120. (In Russ.).

10. Zborovsky G. E., Shuklina E. A., Ambarova P. A. Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A. Behavior strategies management of city communities: problems and opportunities. Ekaterinburg, 2014. 200 p. (In Russ.).

11. Historical problems of socio-political security of the Russian Far East (second half of the XX – beginning of the XXI century): in 2 books, ed.by A. S. Vashchuk. Vladivostok, 2014. 360 p. (In Russ.).

12. Krasinets E. S., Shevtsova T. V. Labor migration in solving strategic problems of spatial development of human capital in the Russian Far East // Eurasian Scientific Association. 2020. No. 11–4 (69). P. 251–255. (In Russ.).

13. Krivonosova L. A., Us M. A. Features of the ethnic identity of migrants in the Russian Far East // Power and governance in East of Russia. 2018. No. 3 (84). P. 119–126. (In Russ.).

14. Mishchuk S. N. Implementation of modern migration policy in the Russian Far East: federal and regional aspects // Regional Economics: Theory and Practice. 2018. No. 16 (6). P. 1028–1040. (In Russ.).

15. Mishchuk S. N. Labor migration in the Far East of Russia: before and after 2020 // Regional Problems. 2021. No. 24 (2–30). P. 171–174. (In Russ.).

16. Motrich E. L. Migration in the demographic development of the Russian Far East // Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2022. No. 18 (1). P. 27–40. (In Russ.).

17. Estimation of the permanent population as of January 1, 2024 and on average for 2023 // Federal State Statistics Service. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FOkPopul_Comp2024_Site.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (Accessed 14. 07. 2024). (In Russ.).

18. Peshkova V. M. Life Plans of Central Asian Migrants in Russia: Narratives and Practices // Ethnographic Review. 2017. No. 3. P. 48–62. (In Russ.).

19. Reznik Yu. M., Smirnov E. A. Personal life strategies (experience of complex analysis). Moscow, 2002. 260 p. (In Russ.).

20. Salimgaraeva A. R. Coping strategies of labor migrants from CIS countries // Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology. 2021. Vol. 14. Issue 1. P. 78–94. (In Russ.).

21. Serdyukov K. N. Demographic and migration processes in the Far East of Russia (on the example of Primorsky Krai) // Vestnik Universiteta. 2023. No. 7. P. 233–240. (In Russ.).

22. Serdyukov K. N. Life strategies of foreign labor migrants (based on materials from Primorye Territory): dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / specialty 5.4.4 "Social structure, social institutions and processes"; Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov. Arkhangelsk, 2022. 207 p. (In Russ.).

23. Khramova M. N., Zorin D. P. Opportunities and limitations for the growth of human capital in the regions of the Russian Far East // Today and tomorrow of the Russian economy. 2022. No. 107–108. P. 26–36. (In Russ.).

24. Chumak E. V. Individual life strategies of migrants in Russia // Russian Economic Bulletin. 2021. Vol. 4. No. 4. P. 99–106. (In Russ.).

25. Population and migration of the Russian Federation in 2023 // Federal State Statistics Service. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FBul_migr_2023.xlsx&wdOrigin=BROWSELINK (accessed 14.07.2024). (In Russ.).

26. Ethnic Groups and Boundaries, ed. by F. Barth; lane from English I. Pilshchikov. Moscow, 2006. 198 p. (In Russ.).

27. Yakovlev A. I. Migrants from Central Asia countries in the Far East of Russia: problems of adaptation and integration // Problems of Modern Oriental Studies: materials of the III International Scientific and Practical Conference (Minsk, June 29–30, 2023), ed. by V. R. Borovoy. Minsk: Belarusian State University, 2023. P. 139–144. (In Russ.).

28. Baumeister R. F., Bargh J. A. Conscious and unconscious. Toward an integrative understanding of human mental life and action // Dual-process theories of the social mind, ed. by Sherman J. W., Gawronski B., Trope Y. New York: Guilford Press, 2014. P. 35–49. URL: https://www.guilford.com/books/Dual-Process-Theories-of-the-Social-Mind/Sherman-Gawronski-Trope/9781462514397/contents (accessed 30.06.2024).

29. Clausen J. A. The life course of individuals. A sociology of age stratification, ed. by Riley M. J., Johnson M., Foner A. New York: Russell sage foundation, 1972. P. 457–514. URL: https://www.russellsage.org/sites/default/files/AgingSociety-vol3download.pdf (accessed 30.06.2024).

30. Elder G. H. Age differentiation and the life course // Annual review of sociology. 1975. Vol. 1 (1). P. 165–190. URL: https://www.annualreviews.org/content/journals/10.1146/annurev.so.01.080175.001121 (accessed 30.06.2024).

31. Elder G. H., Johnson M. K., Crosnoe R. The emergence and development of life course theory // Handbook of the life course, ed. by Mortimer J. T., Shanahan M. J. New York: Kluwer/Plenum, 2003. P. 3–19. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-0-306-48247-2_1 (accessed 30.06.2024).

32. Elder G. H., O'Rand A. Adult lives in a changing society // Sociological perspectives in social psychology, ed. by Cook K. S., Fine G. A., House J. S. Boston: Allyn and Bacon, 1995. P. 452–475. URL: https://www.soc.duke.edu/~aorand/pdfs/Elder&O'Rand_Adult%20Lives_1995.pdf (accessed 30.06.2024).

33. World Migration Report – 2024 // IOM. Publications Platform. URL: https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2024 (accessed 10.07.2024).

◆

Информация об авторах

Константин Николаевич Сердюков, канд. социол. наук, научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии Тихоокеанского института географии ДВО РАН; научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: me@serdjukov.ru

Анна Викторовна Винокурова, канд. социол. наук, доцент, научный сотрудник департамента социальных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Information about the authors

Konstantin N. Serdyukov, Candidate of Sociology, Researcher, Laboratory of Social and Medical Geography, Pacific Institute of Geography, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: me@serdjukov.ru

Anna V. Vinokurova, Candidate of Sociology, Associate Professor, Researcher, Department of Social Sciences, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vinokurova77@mail.ru

Поступила в редакцию 22.07.2024 Одобрена после рецензирования 07.08.2024 Принята к публикации 28.08.2024

Received 22.07.2024 Approved 07.08.2024 Accepted 28.08.2024